

Третье число третьего месяца по лунному календарю, праздник Шансы.

Весна выдалась настолько щедрой, что даже суровые синие кирпичные стены Академии Цинъюнь не могли сдержать буйство жизни и шум людской толпы снаружи. На горной тропе с раннего утра жители окрестных деревень, нагруженные корзинами и яствами, с веселым гомоном спешили к реке у подножия горы.

— Выходной! Наконец-то выходной! — Линь Янь, словно долго томившаяся в клетке птичка, несколько раз подпрыгнул в тесном пространстве корпуса «Чжу», покрасневшись от восторга. Он распахнул окно, жадно вдыхая теплый воздух, напоенный ароматом трав и едва уловимыми цветочными нотками, и обернулся к Се Сяо, который неподвижно сидел за письменным столом. — Брат Се! Брось ты эту скучную книгу! Сегодня праздник Шансы, нас отпустили! Пойдем к реке, совершим обряд очищения и погуляем. Все сокурсники уже договорились!

Взгляд Се Сяо по-прежнему был прикован к световому экрану, видимому лишь ему одному. Его пальцы беззвучно скользили по краю стола, извлекая из базы данных сведения о народных обычаях праздника Шансы. Голос его оставался ровным и бесстрастным:

— Не интересуется.

— Не пойдет! — Линь Янь, словно наступили на хвост, в несколько шагов оказался перед столом Се Сяо. Он с хлопком уперся ладонями в край столешницы, подался вперед, и его черные, как смоль, глаза, широко распахнувшись, смотрели с властной решимостью. — Обязательно пойдем! Мы целыми днями заперты в академии, так и плесенью покрыться недолго! Посмотри, как там весело! — Он помедлил, хитро сверкнул глазами и сменил тон на жалобный, растягивая слова: — Брат Се, ну что это за прогулка в одиночку? А если я потеряюсь или, не дай бог, упаду в реку? У тебя сердце не дрогнет?

Пальцы Се Сяо, скользившие по экрану, замерли. Он поднял взгляд, и его темные, как омут, глаза встретились с глазами Линь Яня, полными ожидания, лукавства и капли притворства. Этот взгляд был слишком ярким и живым, словно самое палящее весеннее солнце, обладающее неотразимым теплом.

Отказ уже вертелся на языке.

В тот самый миг, когда Се Сяо приоткрыл губы, чтобы произнести заветное «нет», Линь Янь, словно предугадав его движение, внезапно перешел в наступление!

Горячая, влажная от пота ладонь с молниеносной быстротой вцепилась в левое запястье Се Сяо, лежавшее на столе!

— Пошли, пошли! — Линь Янь, торжествуя и проявляя непреклонную силу, потянул Се Сяо за собой. — Если будем медлить, все лучшие места займут!

Сила, с которой он это делал, оказалась неожиданно большой, в ней чувствовался мальчишеский азарт и полное отсутствие сомнений.

Се Сяо, застигнутый врасплох, качнулся и чуть не вылетел из-за стола. Ощущение тепла и крепкого захвата на запястье отозвалось в нем, словно невидимые оковы. Он инстинктивно попытался высвободиться, но Линь Янь вцепился намертво, повиснув на его руке, словно коала, и упрямо волооча к выходу.

— Линь Янь! — голос Се Сяо стал низким, в нем прозвучала нотка оскорбленного негодования.

— Быстрее, быстрее! Управляющий Чэнь сказал, что у пристани под горой есть лодки! — Линь Янь полностью проигнорировал его недовольство и потянул еще сильнее, продолжая болтать: — Говорят, у реки продают сахарные фигурки и жареные рисовые лепешки, там так оживленно...

Се Сяо, увлекаемый им, перешагнул порог корпуса «Чжу». Теплое весеннее солнце обрушилось на него, принеся с собой свежее дыхание гор. Он посмотрел на спину Линь Яня, который, подобно маленькому бычку, упрямо рвался вперед, не выпуская его запястья, а затем на свою руку, ставшую заложницей этого «похищения». На виске у него дернулась жилка, но в итоге он оставил попытки сопротивления и, спотыкаясь, позволил тащить себя в людской поток. Лишь кожа на запястье, крепко сжатой рукой Линь Яня, начала предательски гореть от тепла.

...

У пристани под горой расстилалась водная гладь. Прозрачная река в лучах весеннего солнца переливалась золотом, отражая молодую зелень плакучих ив и далекие сине-зеленые горы. На берегу уже яблоку негде было упасть, повсюду слышались смех и разговоры. Крики торговцев, детский визг и залиvistый смех юношей и девушек, обливающих друг друга водой на удачу, сливались в единую симфонию живой человеческой жизни.

Сокурсники уже разбрелись группами. Кто-то собирал орхидеи у кромки воды, кто-то, подражая взрослым, веточками ивы разбрызгивал речную воду, моля об исцелении от болезней и невзгод.

Оказавшись у реки, Линь Янь, точно рыба в воде, окончательно пришел в восторг. Не желая толкаться в толпе, он целенаправленно направился к мелкому чистому участку берега. Присев, он в два счета сбросил обувь и носки, небрежно бросив их на камень, и обнажил пару белых изящных ступней.

— Брат Се! Скорее сюда! Вода такая прохладная! — крикнул он, не дожидаясь ответа, и в нетерпении босиком с всплеском прыгнул в освежающую речную воду.

— Ох, холодная! — ледяная вода заставила его втянуть голову в плечи, но тут же он залился

звонким смехом. Как ребенок, открывший новый континент, он осторожно сделал несколько шагов. Прозрачная вода скрыла его лодыжки, и приятная прохлада от ступней разлилась до самой макушки, отчего он блаженно прищурился.

— Бульк! — он поднял ногу и со всей силы ударил по воде!

Кристалльно чистые брызги разлетелись в стороны, преломляя солнечный свет в радужные искры, окатив его с ног до головы и намочив штанины. Он, не обращая внимания, расхохотался и, подпрыгивая, начал бить по воде еще сильнее, поднимая целые фонтаны брызг. Его звонкий смех разносился над рекой, заставляя окрестных детей также радостно визжать.

Се Сяо стоял чуть выше на берегу, в нескольких шагах от шумной толпы. Его синее одеяние развевалось на ветру, а фигура была прямой, словно бамбук на склоне. Он безмятежно наблюдал за тем, кто беззаботно резвился в воде.

Штанины Линь Яня были высоко закатаны, обнажая белые стройные голени. Подол его белоснежного ученического халата намок и прилип к телу, очерчивая тонкую гибкую талию. Несколько черных прядей, намокнув, прилипли к чистому лбу и щекам, а капли воды стекали по уголкам его губ. Солнечный свет, падая на него, окаймил фигуру золотистым ореолом, а глаза, сиявшие от чистого счастья, казались полными рассыпанных звезд.

Се Сяо следил за этим радостным силуэтом. На его лице по-прежнему застыло спокойствие, но в глубине темных глаз промелькнуло нечто едва уловимое — нежность, которую он сам не осознавал.словно в тихую гладь озера бросили маленький камешек, вызвав едва заметную рябь.

Его левая рука, опущенная вдоль тела, под прикрытием широкого рукава едва заметно шевелилась. На запястье тихо загорелась строка текста: «Объект наблюдения G — Линь Янь: запись праздничного досуга — тяга к воде, склонность к взаимодействию в группе, открытое выражение эмоций... сбор данных...»

Линь Янь, войдя во вкус, зачерпнул пригоршню воды и плеснул себе в лицо. От холода он вскрикнул, но засмеялся еще громче. Краем глаза он заметил одинокую фигуру на берегу, и в голове созрел озорной план.

Он наклонился, пошарил в густой траве у берега и выдернул охапку орхидей с нежно-фиолетовыми цветами. На изумрудных листьях блестели капли воды. Идя по воде и намеренно поднимая шумные брызги, он тихо приближался к берегу, где стоял Се Сяо.

Внимание Се Сяо все еще было сосредоточено на потоке данных, фиксирующем частоту шагов Линь Яня и высоту брызг.

Сейчас!

— Брат Се! Лови! — Линь Янь с криком выпрыгнул из воды на скользкий камень и изо всех сил швырнул охапку пропитанных ледяной водой орхидей прямо в Се Сяо!

— Плеск!

Мириады холодных капель, подобно небесным цветам, прочертили в солнечном свете серебристые линии и с головой окатили Се Сяо!

Вода стекала по его суровому подбородку, проникала за ворот синего халата и мгновенно пропитала ткань на ключицах. Ледяное прикосновение было подобно тысячам мелких игл, вонзившихся в кожу, и заставило его невольно вздрогнуть. Даже пальцы, записывавшие данные, застыли!

Но это было еще не все!

Линь Янь, довольный удачной атакой, расхохотался, глядя на ошеломленного Се Сяо с мокрыми волосами и воротником. Озорство разыгралось еще сильнее, и он, не останавливаясь на достигнутом, потянулся мокрыми руками к намокшей груди Се Сяо, выкрикивая:

— Ну же, давай добавлю тебе удачи! Очистимся от скверны! Ха-ха... Э?

Смех оборвался!

В тот самый миг, когда ладони Линь Яня почти коснулись груди Се Сяо, чья-то рука с четко очерченными суставами и невероятной силой, словно стальной капкан, молниеносно метнулась вперед! Точно и неотвратно она схватила Линь Яня за запястье!

— Хлоп!

Запястье в плену!

Сила захвата была такой, что у Линь Яня хрустнули кости!

Улыбка на лице Линь Яня застыла, глаза в изумлении расширились.

Время словно остановилось.

Речной ветер, напоенный влагой и ароматом трав, пронесся мимо. Шум берега казался теперь очень далеким.

Рука Се Сяо была холодной, влажной от воды, но невероятно сильной, она плотно обхватила

тонкое запястье Линь Яня. Ощущение мягкости и гладкости кожи, исходившее от парня, напоминало прикосновение к теплому нефриту.

Запястье Линь Яня было очень тонким, кожа — невероятно нежной. Се Сяо мог отчетливо почувствовать контуры выступающих косточек и едва уловимую пульсацию сосудов под кожей.

Расстояние между ними резко сократилось.

Из-за того, что его схватили, Линь Янь подался вперед и едва не врезался в грудь Се Сяо. Он задрал голову, в изумлении глядя на того, кто был совсем рядом. Капли воды стекали по чистому лбу, смачивая длинные ресницы. В его широко открытых глазах отражалась суровая линия подбородка Се Сяо и плотно сжатые тонкие губы. Он даже чувствовал исходящий от него свежий, чистый аромат, смешанный с запахом речной воды и орхидей.

Се Сяо тоже смотрел на него сверху вниз. В глубине его темных зрачков отражалось красивое лицо Линь Яня, испачканное каплями воды и выражающее потрясение и растерянность. Мокрые пряди волос, прилипшие к щекам, делали кожу еще белее и прозрачнее. В глазах, которые всегда ярко светились, сейчас отражался он сам, а также капля паники от того, что его поймали, и... невинность?

Тепло и гладкость, ощущаемые на запястье, словно крошечный электрический разряд, быстро распространились, заставляя пальцы Се Сяо, сжимавшие руку Линь Яня, слегка гореть. Он чувствовал, как быстро поднимается температура кожи под его ладонью и как учащается пульс Линь Яня от удивления.

Воздух стал таким густым, что казалось, его можно разрезать.

Речной ветер приносил прохладу, но не мог развеять внезапно возникшее между ними безмолвное напряжение и жар.

Кадык Се Сяо едва заметно дернулся.

— Ты... — Линь Янь открыл рот, голос его звучал сухо, он попытался высвободить запястье. Но это слабое движение походило на кошачьи царапки, отчего Се Сяо сжал его только крепче.

Се Сяо смотрел на него тяжелым взглядом — словно бездонная холодная заводь, в которой бурлили непонятные Линь Яню эмоции. Тут было и негодование от того, что его побеспокоили, и холод, и, казалось, капля... глубокой растерянности и беспомощности от того, что его так задело это прикосновение.

Линь Янь уже приготовился к тому, что тот выйдет из себя или, как обычно, холодно оттолкнет его, но Се Сяо продолжал смотреть на него, лишь чуть сильнее сжал запястье, а затем медленно разжал пальцы. В конце концов, он ничего не сказал, просто резко отпустил руку и

отступил на полшага, возвращая дистанцию, которая только что стала слишком интимной.

Леденящий захват исчез, оставив лишь легкое онемение. Линь Янь машинально потер покрасневшее запястье и посмотрел на Се Сяо, который быстро повернулся к нему спиной, напоминая холодную гору. На воротнике его синего халата мокрая ткань плотно прилипла к коже шеи, очерчивая четкие линии.

Линь Янь стоял на месте, потирая запястье, и пробормотал:

— ...Это была просто шутка, чего такой злой... — Но сердце при этом почему-то забилося гораздо быстрее.

...

После инцидента с орхидеями атмосфера стала слегка напряженной. Линь Янь не рискнул снова провоцировать Се Сяо и пошел побродить возле торговцев. Вернулся он с двумя зелеными круглыми лепестками «цинтуань», завернутыми в свежие листья тростника, от которых все еще исходил пар.

Он подошел к Се Сяо, который стоял спиной к реке, делая вид, что любит пейзажем (на самом деле пытаясь успокоить сердцебиение и привести в порядок сбивчивые данные), и с видом дарителя протянул один:

— На, брат Се, попробуй! Только что приготовили, пахнут изумительно! — На его лице снова сияла та самая беззаботная улыбка, словно недавней «атаки» и не было.

Се Сяо не обернулся и не взял угощение.

Линь Янь не обиделся, взял другой лепесток и откусил большой кусок. Мягкое тесто, а внутри — сладкая бобовая паста, теплая и приятная. Он блаженно прищурился:

— М-м! Вкусно! — после чего, совершенно естественно, поднес ту самую половинку, от которой уже откусил, прямо к губам Се Сяо, с такой привычкой, будто делал это тысячу раз. — Правда вкусно! Брат Се, попробуй!

Он держал лепесток так, что место укуса почти касалось губ Се Сяо, и смотрел на него сияющими глазами, не мигая. На щеке у него остался след от рисовой муки.

Сладкий аромат вперемешку со свежестью тростниковых листьев властно проник в ноздри. Половинка лепестка с четкими следами зубов была совсем рядом.

Тело Се Сяо едва заметно напряглось. Он медленно повернул голову, его взгляд упал на

лепесток, а затем переместился на глаза Линь Яня, полные чистого желания поделиться. Отказ вертелся на языке.

Глядя на щеку Линь Яня в рисовой муке и на его ожидающий взгляд, Се Сяо промолчал. В конце концов, он едва заметно приоткрыл рот.

Линь Янь слегка подал руку вперед.

Половинка лепестка, сохранившая тепло его тела и след его слюны, оказалась во рту у Се Сяо.

Мягкое тесто, сладкая бобовая паста. Вкус действительно был неплох.

Се Сяо с бесстрастным лицом жевал. Сладкий вкус разливался во рту, скользил по пищеводу, и, казалось, дошел до самого сердца, принес с собой странное, не поддающееся описанию чувство. У корней ушей снова разлился знакомый, неконтролируемый жар. Он опустил веки, избегая обжигающего взгляда Линь Яня.

Увидев, что тот съел, Линь Янь удовлетворенно убрал руку и принялся за свою половину, совершенно не заметив подозрительного румянца на ушах собеседника.

...

Солнце клонилось к закату, и ученики, наигравшись за день, отправились в обратный путь. Академия арендовала несколько простых повозок, которые с жалобным скрипом катились по грунтовой дороге обратно к горам.

В повозке теснилось несколько сокурсников, от них пахло речной влагой и землей, они возбужденно обсуждали события дня. Линь Янь поначалу бодро вставлял слова, но по мере ритмичного покачивания повозки усталость после бурного дня нахлынула, словно прилив.

Он зевнул так широко, что из глаз выступили слезы. Голова начала непроизвольно клевать, как у цыпленка, клюющего зерно. Веки стали тяжелыми, словно налитыми свинцом.

Повозка наехала на кочку, и ее резко тряхнуло!

Тело Линь Яня по инерции накренилось в сторону!

Его голова, не выбирая места, удобно устроилась на плече Се Сяо!

Теплый вес, смешанный с ароматом сладких лепестков и чистым запахом мыла, внезапно обрушился на него.

Се Сяо мгновенно напрягся! Словно натянутый до предела лук! Рука, лежавшая на колене, сжалась в кулак. Он отчетливо чувствовал тепло на своем плече и равномерное горячее дыхание Линь Яня, щекодавшее шею. Это дыхание волнами проходило по его коже, вызывая легкую дрожь.

Сидевшие рядом ученики, кажется, заметили эту сцену и бросили любопытные и насмешливые взгляды.

Спина Се Сяо была прямой, как струна, линия подбородка напряжена. Сильное желание немедленно оттолкнуть эту «бомбу» со своего плеча боролось в нем. Это не по правилам, это слишком близко!

Он слегка повернул голову и опустил взгляд на Линь Яня, прильнувшего к его плечу.

Юноша спал крепко. Длинные ресницы отбрасывали тень на щеки, слегка подрагивая в такт дыханию. Щеки от глубокого сна порозовели, уголки губ слегка поднялись, словно он видел добрый сон. Несколько черных прядей волос упали на его чистый лоб и на синюю ткань халата Се Сяо. Это беззащитное спящее лицо, чистое, как у младенца, обладало странной успокаивающей силой.

Напряженное тело Се Сяо под мерный звук дыхания медленно, шаг за шагом, расслаблялось. Сжатый кулак разжался.

Движение, чтобы оттолкнуть, так и не произошло.

Он лишь слегка изменил позу, чтобы голове Линь Яня было удобнее. Затем он снова устремил взгляд в окно повозки на сгущающиеся сумерки, и линия его подбородка, казалось, стала чуть мягче.

Повозка продолжала покачиваться. Смех сокурсников постепенно затих, их тоже сморила усталость. Золотистые лучи заходящего солнца пробивались сквозь щели занавесок, ложась пятнами на них двоих.

Линь Янь во сне бессознательно потерся головой о шею Се Сяо и издал удовлетворенный сонный вздох.

Се Сяо на мгновение снова напрягся, а затем медленно расслабился. Он сохранял эту прямую, слегка наклоненную позу, словно безмолвная статуя-хранитель, позволяя весу на плече и горячему дыханию продолжать согревать его прохладную шею. Ощущая эту тяжелую, полную жизненной силы опору, он молча нес ее на себе до тех пор, пока повозка со скрипом не остановилась перед строгими воротами Академии Цинъюнь.